

Марина
СЕРОВА

**Любимая
женщина
маньяка**

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Телохранитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Любимая женщина маньяка

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Любимая женщина маньяка / М. С. Серова — «Эксмо»,
2019 — (Телохранитель Евгения Охотникова)

ISBN 978-5-04-100315-9

Недавно известной художнице Татьяне, пишущей мистические картины, кто-то стал присылать странные дары. Хотя сама Татьяна не придает этому никакого значения, ее мать и сестра настолько обеспокоены ситуацией, что нанимают для ее охраны профессионального телохранителя Евгению Охотникову. А вскоре двусмысленные подарки сменяются дарами откровенно угрожающими, и становится понятно, что тайный поклонник Татьяны – настоящий маньяк...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100315-9

© Серова М. С., 2019
© Эксмо, 2019

Марина Сергеевна Серова

Любимая женщина маньяка

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Серова М.С., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

* * *

Жаркое лето подходило к концу. На безоблачном небосводе все еще ярко светило солнце, и воздух прогревался днем до рекордно высокой температуры, рождая нестерпимую духоту, а вечерами громко стрекотали сверчки, которые прятались в густой траве на газонах и на клумбах, среди поздних, поблекших от яркого солнца цветов. Но ночи становились прохладнее, и в этой ранней прохладе чувствовалось дыхание приближающейся осени.

Кто-то печалился и грустил обо всем и сразу. О том, что уходит лето с его радостями и развлечениями, что давно и до обидного быстро пролетел долгожданный отпуск и пора включаться в трудовые будни. А кто-то торопливо, почти лихорадочно собирался поехать к теплому морю, чтобы успеть насладиться последними днями лета и началом бархатного сезона.

Что до меня, то я, как обычно, ранним утром бегала в парке. Меня скорее радовала ночная и, главное, утренняя прохлада, ведь душным утром после не менее душной ночи, когда раскаленный асфальт совершенно не успевает остыть и воздух совсем не движется, а на небе нет ни облачка, намекающего на грядущее, пусть небольшое понижение температуры, так тяжело заставить себя соблюдать привычный режим и усиленно заниматься спортом. Бегать, делать силовые упражнения и растяжку или выполнять комплексы из карате и йоги. Но в редкие свободные от работы дни я вынуждена усиленно тренироваться, чтобы не терять физическую форму. Впрочем, с тренировки начинается каждое мое утро за редким исключением.

Сегодня я планировала долго, со вкусом побегать в парке. Сделать комплекс упражнений. Вернуться домой, принять душ, позавтракать и отправиться на стрельбище, а потом, возможно, поплавать в бассейне. Затем встретиться с приятелем Генкой за ужином, чтобы перекусить и немного поболтать. В последнее время мы редко виделись, и я начинала скучать по общению со своим верным другом.

Но неожиданно тетя Мила внесла коррективы в большую часть моих сегодняшних планов. Впрочем, обо всем по порядку. После бега и занятий в парке я вернулась домой. Недавно мы с тетей Милой были в отпуске, отдыхали на живописном тропическом острове, омываемом двумя морями. Сопровождая своего последнего клиента, я получила ранение в плечо. Пусть-ковая рана, если честно. Но тем не менее она требовала долгого восстановления и как следствие – бездействия. Я не могла работать какое-то время, в чем были и свои плюсы. Я наконец-то

нашла возможность осуществить давнюю мечту тетушки и свозила ее на отдых. Дорогой фешенебельный курорт на тропическом острове поражал воображение. Отдых с полным пансионом и ВИП-сервисом обеспечил мой давний приятель. Впрочем, это совсем другая история.

Благодаря сему обстоятельству тетя Мила пребывала в благодушном настроении и даже вот уже несколько недель совсем не пилила свою племянницу ни по какому поводу. Не требовала срочно сменить работу на более безопасную, не напоминала, что годы идут, все ускоряя шаг, и мне давно пора озаботиться поиском респектабельного, состоятельного жениха, завести семью и нарожать кучу детишек. И так далее.

Обычно тетя Мила искренне верит, что желает своей племяннице только счастья, добра и благополучия, и не осознает, что на самом деле пытается воплотить в жизнь собственные давние мечты и реализовать свой сценарий счастливой жизни. А меня в моей профессии, как и в жизни, все устраивает. Я частный телохранитель и могу чувствовать себя абсолютно свободной, ибо свобода для меня – это не «что хочу, то и делаю», а скорее «чего не хочу, того не делаю». И это настоящее счастье, ибо позволить себе подобную роскошь могут далеко не все. По опыту знаю.

Обычно тетя Мила любит поспать подольше, а к моей привычке вставать ни свет ни заря и «истязать себя разными мудреными способами» относится с долей скепсиса и недоумения. Поэтому по возвращении домой я очень удивилась, когда услышала запах домашней выпечки и обнаружила тетю Милу на кухне, азартно хлопочущую у плиты.

– Доброе утро, – я подошла к ней и поцеловала ее в щечку.

– Доброе утро, Женечка. Как побегала-позанималась?

Прежде чем ответить, я оглядела батарею тарелок со всякой снедью. Омлет, рубленые отбивные, салат, песочные ватрушки и кексики с глазурью, домашний лимонад. В духовке на высоком противне что-то заманчиво шипит. Судя по запаху, мясо, и оно уже начало подрумяниваться.

– Спасибо, все хорошо. А что ты поднялась в такую рань? Ждешь кого-то в гости? – Вы поймете легкую настороженность, что сквозила сейчас в моем голосе, как только узнаете, что тетя Мила обычно не ограничивалась одной только пропагандой «нормальной жизни», она постоянно, с упорством, достойным лучшего применения, подстраивала своей племяннице ловушки в виде знакомств-сюрпризов. Обычно это были обеды или ужины, на которые «неожиданно» забежали подруги тетушки, близкие и не слишком, в компании со своими сыновьями, племянниками и даже братьями – завидными женихами. И только я на таких мероприятиях понимала, что тетушкина цель достигнута не будет, и обычно злилась, скучала и отчаянно жалела о потраченном впустую времени. А еще предчувствовала грядущее разочарование и раздражение тетушки.

Странно, но постоянные неудачи не заставляли тетю Милу опустить руки. Наоборот, она рвалась познакомить племянницу с перспективным женихом, прилагала с каждым разом все больше усилий и полагала, что рано или поздно я обязательно встречу «его», того самого «порядочного и надежного парня», и между нами «промелькнет искра». Дальше, разумеется, марш Мендельсона, поиск приличной работы, рождение детей. Именно в этом порядке и никак иначе. И всеобщее счастье.

Тетя Мила, похоже, была на все готова ради этого. Правда, раньше она никогда не устраивала завтраков-сюрпризов. Но с нее станется, пожалуй.

– Кажется, мясо подрумянилось уже и скоро начнет подгорать.

– Ой, мой мясной рулет! – засуетилась она у духовки.

А я, так и не получив ответа на поставленный вопрос, стала подозревать худшее. И прикидывая, как быстро успею сбежать, настойчиво повторила:

– Ты кого-то ждешь в гости?

– Нет, Женечка, этот полезный и питательный завтрак я приготовила для тебя.

– Спасибо, конечно, но мне было бы достаточно кофе с тостами. А здесь еды на небольшой прожорливый отряд хватит.

– Ты постоянно нагружаешь свой организм, Женечка! А питаешься все время впопыхах и как попало! А между прочим, после ранения тебе необходимо усиленное питание. Я специально читала литературу на эту тему!

– Тетя Мила, я выздоровела, полностью восстановилась! А усиленное питание необходимо не в период восстановления после травмы или ранения, а лишь несколько дней после кровопотери. И у человека в этот период повышенный аппетит, если, конечно, все идет нормально и нет лихорадки и жара.

– Не припомню, чтобы ты ела больше обычного, – скептически протянула тетушка.

– Заверяю тебя, у меня аппетит вполне здоровой женщины, которая регулярно дает своему организму физические нагрузки. А повышенного аппетита ты не заметила, потому что я тогда была в Лондоне и приехала домой сразу, как только почувствовала себя лучше.

– Ты тогда была в Лондоне? – изумилась тетя Мила. – А зачем?

– Нужно было навестить давнего приятеля, – уклончиво ответила я. Как раз так, как учат отвечать на допросах с пристрастием, особенно если ты намереваешься перехватить инициативу и увести тему беседы чуть в сторону.

За годы общения со мной тетя Мила поднатрела в методиках ведения допроса, да так, что Генка шутил временами, что возьмет ее к себе в управление работать следователем, потому как некоторых его сотрудников она легко заткнет за пояс. Но сейчас тетушка с готовностью клюнула на мою уловку.

– Неужели ты встречалась с тем выдающимся психиатром?! Генри Смит, кажется?!

Тетушка помнила имена всех моих знакомых, которых считала перспективными в плане замужества, разумеется. А на некоторых кандидатов возлагала особые надежды. Это был как раз такой случай.

– Да, мы вместе с ним в скором времени будем работать над новым делом, – небрежно бросила я, – прости, подробностей сообщить не смогу. Сама понимаешь – конфиденциальность.

– А, новое дело. А это срочно?! – расстроенным голосом поинтересовалась тетя Мила.

Странно, я ожидала несколько другой реакции, поэтому торопливо добавила:

– Там не намечается ничего серьезного. То есть никакой опасности.

Несмотря на разницу во взглядах на многие жизненные аспекты, мы с тетей искренне любим друг друга, и я всегда стараюсь оградить родственницу от лишних терзаний, потому как она очень волнуется за меня и переживает, когда я на задании или охраняю очередного клиента.

– Так и знала, что у тебя уже есть планы, – пробормотала Мила. Кажется, она еще больше расстроилась.

– Теть Мил, мне не предстоит ничего сложного или особо экстремального, – искренне заверила я.

– Конечно, конечно. Ты так всегда говоришь. Впрочем, мне нужно с тобой посоветоваться по одному важному вопросу. И я подумала, может, за завтраком?

– Обязательно поговорим. Я только в душ сбегаю и закину вещи в стирку. Утром было прохладненько, а потом жара снова набрала обороты, и от меня разит как от скаковой лошади, а от костюма – как от лошадиной сбруи.

– Фи! – тут же отреагировала тетушка. – Женя, вот где тебя воспитывали?!

– Ты же знаешь, тетя Мил, в казарме! – хихикая, выкрикнула я, удаляясь по коридору.

* * *

Стоя под струями теплого душа, я пыталась проанализировать загадочное поведение тетушки. Интересно, что она задумала? Перебрав несколько вариантов, я так ни на чем конкретном и не остановилась и махнула рукой. В конце концов, буквально через пять минут я и так все узнаю, так чего гадать зря?

Некоторое время за столом царило молчание. Я поглощала завтрак и, несмотря на данное себе обещание, продолжила гадать и мысленно перебирать варианты один невероятнее другого. А тетя Мила, видимо, собиралась с духом.

– Тебе отрезать рулета, Женечка?

– Даже не знаю. Может, лучше оставим его на обед? Все очень вкусно, но еды правда слишком много.

– Твой любимый, из белого мяса индейки, фаршированный маринованными шампиньонами!

– Ладно, давай кусочек. Лишний круг в бассейне накину сегодня.

– Ага.

– Так о чем ты собиралась поговорить, тетя Мил?

Она отрезала кусочек рулета, положила его на мою тарелку, присела на соседний стул и только после этого заговорила:

– Я хотела попросить, чтобы ты отложила намеченную работу на некоторое время. Если это возможно, конечно.

– Зачем?! – От изумления я на несколько секунд замерла и перестала жевать.

– Понимаешь, кажется, одной моей подруге необходима срочная помощь.

– То есть ты в этом не уверена? Или не уверена она? – не сдержалась от колкости я.

– Это долго объяснять. Но я все расскажу, если ты пообещаешь вмешаться и разобраться в этой странной истории. Понимаю, я человек, который регулярно высказывается против выбранной тобой профессии, критикует и просит ее сменить или хотя бы быть осторожней. И вдруг такая просьба! Это странно и нелогично, но они в ужасе! И боюсь, сами не смогут справиться. Мне элементарно жаль подругу, и ее дочек тоже жаль! Так что уж не взыщи, Женечка, что я тебя прошу об этом!

– Постой, погоди, тетя Мил! – прервала я поток бессвязных и малопонятных фраз. – Разумеется, мы не бросим в беде близких людей. И я постараюсь разобраться в ситуации, а также помочь, чем смогу. Только объясни все спокойно и по порядку. Но прежде чем станешь рассказывать, у меня есть один вопрос. Вот эта вся суета, – я повела рукой, предлагая ей осмотреться, – завтрак, мои любимые блюда, лимонад, выпечка, это все к чему? Неужели из-за твоей просьбы?

– Конечно, Женечка, мне ведь очень неудобно просить тебя, понимаешь? Вдруг эта работа тоже окажется рискованной? И ты скажешь: как других охранять, ты, тетя, категорически против, а как решать проблемы твоей подруги, так сразу беги и плевать на всякие риски! Можешь сказать, и будешь совершенно права, дорогая!

– Риски в моей профессии довольно относительные, – протянула я, – и ты обычно склонна их сильно преувеличивать.

– Да?! А кто недавно ранен был?! – в азарте тетушка слегка подпрыгнула на стуле.

– Это случайность, – я поморщилась, – досадная, болезненная помеха, не более того.

– Хорошо, если так. Только я полагаю, что ты, в свою очередь, всегда сильно преуменьшаешь опасность и риски твоей работы и никогда не рассказываешь мне всего, прикрываясь соблюдением конфиденциальности.

«Само собой, – подумала я с непроницаемым выражением лица, – ведь близких людей надо беречь. И тете Миле вовсе не следует знать, какие хитрые ловушки небольшая частная армия усиленно расставляла для ее племянницы в небольшой живописной европейской стране не так давно. И сколько раз мы вместе с подопечным были буквально на волосок от гибели. Впрочем, стоит ли сейчас думать об этом», – сама себя одернула я и стала внимательно вслушиваться в рассказ тети Милы, потому как она как раз подбиралась в своем повествовании к сути.

– С Верочкой мы дружили давно, еще со времен учебы. Она, правда, немного младше меня, но ко мне всегда тянулись не только сверстницы, но и девушки и ребята помладше. Как к заботливой и более опытной подруге. Последние годы мы с Верой не общались почти, но с праздниками друг друга поздравляли регулярно, сначала почтой, а теперь в соцсетях. А иногда мы и новостями обменивались. Из ее рассказов я знала, что Вера овдовела, но до этого успела вырастить двух чудесных дочерей: Татьяну и Елену. Вот они с Еленой и решили обратиться за помощью ко мне, вернее, к тебе через меня, потому как очень сильно переживают за Татьяну. Верочка говорила, что прямо спать ночами не может, все ее мысли одолевают страшные.

– Тетя Мила, давай только факты, а то мы и к обеду не закончим.

– Ладно, прости, Женечка.

– Почему они решили обратиться к тебе, вернее, ко мне?

– Откровенно говоря, я тоже немного похвасталась. Сказала, что живу с племянницей, успешным частным телохранителем. Рассказывала, какие у тебя клиенты бывают, и главное, какой сказочный отдых ты мне устроила недавно. Про то, что там на острове ты ввязалась в расследование, я ни слова не говорила. Сказала, что мы только отдыхали в тропиках целых два месяца.

– Понятно. Но я не об этом. Они знают, что я телохранитель, и думают, что помощь понадобится старшей дочери, Татьяне. Почему? Чем она занимается? И вообще, что именно их так испугало?

– Как, Женечка, ты разве не слышала?! Сначала Татьяна занималась медициной, так же, как и отец девочек. Но неожиданно она стала писать красками великолепные полотна и практически в одночасье стала звездой и открытием прошлого сезона!

– Что-то такое слышала, краем уха, без имен и подробностей.

– Конечно, разработка нового бронезилята из этого, как его, кевлара или инновационного скорострельного пистолета тебя заинтересует куда больше, чем живопись, понимаю.

Я предпочла пропустить шпильку мимо ушей.

– Допустим, Татьяна стала известной в некоторых, довольно узких кругах. Но история учит нас, что художники становятся всемирно знамениты лишь после смерти. А большие гонорары к ним, бывает, никогда и не приходят. Разве что картины за баснословные суммы уходят на аукционах, но тоже впоследствии, по прошествии веков.

– Что ты хочешь этим сказать, Женечка?

– Так, ничего, скорее размышления вслух. Так что конкретно у них произошло? Что так сильно испугало Веру и ее дочерей?

– Ты, Женя, не совсем права, когда намекала на низкие доходы Татьяны. В последнее время она как художник весьма успешна. Ее картины пользуются спросом у богатых людей. И гонорары от раза к разу становятся все больше. А скоро, Вера говорила, будет большая выставка здесь, у нас в Тарасове, а потом, может, и в Самаре.

– Это замечательно.

– И, как тебе хорошо известно, успешных людей часто окружают толпы поклонников и прихлебателей. А бывает, что в этой толпе скрываются и недоброжелатели. Вот и Татьяне в последнее время стали присылать странные сообщения и нелепые подарки. Вера, как и Елена, видят в записках и странных дарах скрытую угрозу, но разговоры и предостережения ни к чему

существенному не приводят. Татьяна легкомысленно отмахивается от угрозы, полагает, что особой проблемы здесь нет, и отказывается принимать меры.

– О каких именно мерах идет речь?

– Вера предлагала дочери обратиться в полицию. Написать заявление, попросить, чтобы они провели расследование. Не знаю, может быть, за ее квартирой бы немного понаблюдали. Но Татьяна ответила, что сходить в полицию она, конечно, могла бы, но она заранее знает, что ничего не добьется, и потраченного времени будет очень жаль, ведь у полицейских всегда и без того много работы. Причем они расследуют преступления значительно более важные и серьезные, чем та ерунда, что происходит у нее. Так что, отказываясь принимать меры, она не только сберегает свое драгоценное время, но и чужое.

– По сути, Татьяна совершенно права. Сходить в полицию она, конечно, может. Там даже ее выслушают и, возможно, примут заявление. Это уже если женщина проявит настойчивость. Но на этом все, скорее всего, и закончится. Полицейские завалены куда более существенными делами, и скрытыми угрозами, даже если обеспокоенной матери не показалось и они имеют место, заниматься не станут. Так построена наша правоохранительная система. В большинстве случаев полицейские реагируют уже на свершившееся преступление. Если не считают его мелочью, разумеется. При последнем раскладе существенной реакции тоже не дождешься.

– Женечка, но ведь это же ужасно! – всплеснула руками тетя Мила.

– Наверное, – философским тоном протянула я, – но, с другой стороны, благодаря этому обстоятельству есть работа у частных детективов и телохранителей.

– Значит, ты поможешь им, Женечка?! – как всегда немного по-своему истолковала мои слова тетя Мила.

– Я редко даю согласие на работу, пока не узнаю всех обстоятельств дела, ты же в курсе.

– Но все-таки?

– То есть мне в первую очередь предстоит разобраться в ситуации и оценить степень угрозы для Татьяны?

– Да, конечно.

– А потом нужно убедить и саму Татьяну, что ей угрожает нешуточная опасность и необходимы услуги телохранителя? Честно говоря, такого в моей карьере еще не было. Убеждать потенциального клиента в том, что ему нужна помощь, пока ни разу не приходилось, – фыркнула я.

– Но, Женечка, ты же сама говоришь, что вся история, может статься, выеденного яйца не стоит. Люди переживают, не спят ночами, а ты, как только бросишь на все обстоятельства взгляд профессионала, так сразу со всем и разберешься. Может быть, на это и времени уйдет совсем немного.

– Ты совершенно права, тетя Мила. Может, там и дел-то всего на пару дней. Но разбраться нужно обязательно.

* * *

Моя милая тетушка всегда была человеком активным и энергичным, поэтому я не слишком удивилась, что она, как только поговорила со мной, сразу же развила бурную деятельность и организовала встречу в тот же день, после обеда.

Для всеобщего удобства было решено встретиться в небольшом уютном кафе, расположенном в одном из торговых центров на улице Пушкина. Там всегда было малоллюдно и царил спокойная атмосфера, а столики с мягкими диванчиками располагались на достаточном расстоянии друг от друга, что создавало некую уединенность и помогало сохранить интимный тон любой беседы.

Несмотря на то что моя родственница изнывала от любопытства и желания услышать все подробности злоключений известной художницы, я предпочла пообщаться с Верой и Еленой без нее и была вынуждена сослаться на соблюдение конфиденциальности и отказать ей в присутствии на встрече.

Вера с Еленой были похожи друг на друга. Неуловимо, как часто бывает между близкой родней. Обе щуплые, невысокого роста, с мелкими, неброскими чертами лица и короткими, очень похожими стрижками. Только волосы Веры, видимо тронутые сединой, были окрашены в светлый тон, а Елена была обладательницей темной, почти черной густой шевелюры, которой, скорее всего, очень гордилась.

Они обе нервно помешивали ложечками кофе, но кажется, так ни разу и не прикоснулись к напитку и на протяжении всей беседы практически не сводили с меня настороженных глаз. Их лица хранили одинаковое встревоженное выражение, а позы оставались напряженными. Тетя Мила была совершенно права, когда уверяла, что женщины очень переживают за Татьяну.

– Милы с нами не будет? – после приветствий и знакомства уточнила Вера, как мне показалось, облегченно.

– Нет, – заверила я, – несмотря на то что мы сейчас собрались по ее просьбе, эту встречу уже можно считать официальной беседой между телохранителем и его будущими нанимателями, так что посторонним здесь не место, ибо, чтобы помочь вам, я должна знать все подробности происшествий и рассчитываю на вашу полную откровенность. А вы, в свою очередь, можете рассчитывать на мое молчание.

– Но в нашем рассказе нет ничего такого компрометирующего, – растерялась Елена.

– Разумеется, – кивнула я, – но порой в процессе расследования всплывают разные сведения и факты. И вы должны знать, что эта информация останется между нами. Что до тети Милы, то вы, Вера, можете потом, по завершении расследования, поговорить с ней сами, как со своей подругой. И, разумеется, рассказать лишь то, что сочтете нужным.

– Конечно, спасибо, – кивнула женщина. – Мы не совсем понимаем, с чего нужно начать наш рассказ?

– С того, что кажется вам важным. Если что-то будет мне неясно по ходу повествования, я стану задавать уточняющие вопросы.

– Хорошо, договорились. Тогда начну с начала, пожалуй. Вас, наверное, очень удивило, что молодая женщина, представитель потомственной династии врачей, травматолог со стажем, внезапно стала преуспевающей художницей?

– Я не знаю всех подробностей и с интересом их выслушаю.

– На самом деле это случилось не внезапно! – горячо вмешалась Вера. – Танечка всегда была очень талантлива. Замечательно рисовала. А танцевать она начала чуть ли не раньше, чем ходить научилась, прямо с пеленок! Правда, и с малого возраста она поднималась на носочки, как балерины делают, и выделяла различные па. И где она все это брала, непонятно – нигде ведь поначалу не училась! Может, по телевизору что-то видела и повторяла?

– Значит, Татьяна всегда была натурой, одаренной талантами, – кивнула я в ожидании продолжения и заметила, как по лицу Елены пробежала мимолетная тень, – а к слову, кто из вас, сестер, старше?

– Татьяна, – кивнула молодая женщина, – и к слову сказать, мы с ней внешне совершенно не похожи. Таня больше в отцовскую родню пошла и в ней есть что-то восточное, может, даже татарское, от далеких предков. А я, как видите, похожа на маму и совершенно обычная. В общем, старшей дочери достались и редкая красота, и все возможные таланты.

«Мне кажется, или в ее голосе я слышу почти неприкрытую зависть?» – мелькнула у меня непрощенная мысль.

– Дорогая, ты тоже очень одаренная девочка, – поспешно вмешалась Вера, – просто пока так и не раскрыла себя полностью.

– Ладно, мам, – поморщилась Елена, – мы не обо мне сейчас говорим. Так я, пожалуй, продолжу. Большую часть жизни Татьяна посвятила медицине, как и наш отец. Но около трех лет назад она попала в автомобильную аварию и, несмотря на отсутствие внешних и внутренних повреждений, к удивлению врачей и нашему ужасу, несколько дней провела в коме. А когда очнулась, заявила, что живет не так, как мечтала, что всю жизнь хотела только танцевать и может еще писать картины маслом.

– У моей дочери открылся дар, который многие считают таинственным и мистическим! – восторженно воскликнула Вера.

– Да, мама, это, конечно, так. Но позволь, я продолжу. Таня уволилась с работы, взяла несколько уроков живописи и стала писать на первый взгляд обычные, но с глубоким внутренним посылом и смыслом картины. Некоторые их называют самобытными, мистическими и даже сакральными. По крайней мере так уверяет ее агент, Жорик Павлов. Он рассказывает всем, что полотна, написанные Татьяной, несут в себе огромный положительный заряд и посыл. И люди, которые приобрели картины, со временем стали замечать, что их дела идут в гору, здоровье налаживается, а старые проблемы разрешаются словно сами собой. Агент придумал для восходящей звезды псевдоним Татьяна Новая и в несколько раз поднял цену на ее полотна. Но поток желающих приобрести картины только растет, и теперь у Татьяны нет отбоя от заказов, а скоро должна состояться персональная выставка.

– То есть и ее дела пошли в гору? – усмехнулась я.

– Да. А финансовое положение значительно улучшилось, ведь труд медиков в нашей стране, несмотря на всевозможные реформы, до сих пор оплачивается весьма скромно.

– Понятно. Теперь давайте поговорим о посылах, что получала Татьяна.

– Да. Наверное, стоит пояснить, что теперь, после того как доченька стала популярной, или, не побоюсь этого слова, известной, вокруг нее вьется очень много разных людей. Это и клиенты, и поклонники, и просто странноватые личности.

– Знаете, такие, которые ходят на все светские мероприятия, выставки и премьеры, главным образом чтобы себя показать, а еще, конечно, ради бесплатной выпивки и закуски.

– Различные друзья, приятели – любители пожить за чужой счет?

– Да, Женя, можно сказать: прихлебатели всех мастей. Мы с мамой всегда предупреждаем Татьяну, чтобы она сторонилась знакомств такого рода, но ей все как об стенку горох.

– К сожалению, поклонники или даже фанаты – это бич всех популярных людей, их постоянные спутники. И чем больше известность человека, тем больше риск столкнуться с назойливым вниманием или встретить людей не совсем порядочных. Бывает, что среди таких попадают и любители пожить за чужой счет. У Татьяны кто-то вымогает деньги или дорогие подарки?

– Нет, Женечка, наоборот! Ей постоянно что-то шлют! Присылают цветы, конфеты или алкоголь!

– И что вас в этом пугает? Ей ведь не дарят брильянты, шубы и дорогие машины. Мелкие презенты принимать вполне прилично и ни к чему не обязывает.

– Дело не совсем в этом. Понимаете, Татьяна устроила мастерскую прямо у себя дома. И возможно, в самом начале карьеры имела неосторожность обнародовать свой адрес, и все эти дары приносят ей прямо домой!

– Да если подумать, и это не самое страшное! – азартно перебила мать Елена. – Некоторые подарки вообще пугающие, потому как более чем странные!

– Именно, Женя! – словно призывая меня обратить особое внимание, воскликнула Вера.

– И нас это очень сильно пугает! Ведь если их присылает неадекватный поклонник, то он и адрес Тани прекрасно знает! А кто скажет, что у странного человека может быть на уме?! И чем это обернется?! Так что можно считать, что сейчас Татьяна постоянно находится в опасности!

– Да, откровенно говоря, обнародовать свой адрес действительно было неосмотрительно. Но какого именно рода те подарки, что вас так сильно испугали?

– Понимаете, Женя, некоторые презенты сопровождаются записками, и содержание их обычно вызывает большие вопросы и опасения.

– Будьте добры, приведите конкретные примеры.

– Например, та корзина с фруктами. Там было что-то довольно личное.

– Да нет, мама, – нетерпеливо возразила Елена, – записка в корзине с фруктами была довольно безобидной. Что-то из серии: «Твои щечки такие же нежные, как и эти персики, и такие же румяные, как эти яблочки». И подпись была: «От верного поклонника».

– Это не подпись, если человек имени-фамилии не изволил написать, – возразила Вера, – но ладно, пусть ту записку можно назвать лишь фривольной. А остальные?!

– Другие и в самом деле пугают. Например, в упаковку с бутылкой вина была вложена карточка с надписью: «Это прекрасное вино зажжет огонь в твоей крови и заставит ее бежать быстрее, ведь оно такого же оттенка, как твоя кровь». А в букетах с цветами были такие записки: «По твоим полотнам видно, что ты побывала на той стороне бытия». Или вот еще: «Гению не место среди живых». Что скажете, Женя?! Это же почти неприкрытая угроза?!

– Записки и впрямь странные и двусмысленные, так что трактовать их можно по-разному. Но автор, если они принадлежат перу одного автора, пожалуй, не угрожает, а скорее восхищается. Или это смесь комплиментов и угрозы, но скрытой и очень тонкой.

– Вот и Таня сказала нечто подобное. А потом добавила, что на свете много странных людей! Напишет этот поклонник записку-другую и отстанет. Просто надоест ему, или другой предмет для восторгов найдет. И в полицию идти наотрез отказалась.

– Здесь она совершенно права. Полицейские не станут копаться в посланиях со скрытым смыслом, даже дела заводить не станут. Скажут, что это пока не тянет на преследование или угрозы.

– Да, но мы с Леной уверены, что Таня нам не говорит всего! Может, есть и другие записки, может, и угрозы были, а она молчит!

– Почему вы так думаете?

– Я это подозреваю главным образом потому, что Танюша всегда была скрытной девочкой и не любила делиться своими неприятностями с детства.

– Мам, ты, как всегда, упускаешь суть. Мы знаем, что Татьяна рассказывает нам далеко не все. Недавно, буквально несколько дней назад, мы были в гостях у сестры. Мы давно не виделись. Я работаю, Татьяна тоже вечно занята. Так что приехали на обед да заболтались. Решили еще чаю выпить и просидели до самого вечера. Тут и доставили букет.

– Да, мы как раз снова подогрели чайник и собрались выпить чаю с бутербродами и пирожными, а тут звонок в дверь!

– Посылку принес курьер?

– Нет, просто оставили на пороге. И это был букет в красивой, объемной упаковке из блестящей фольги и бумаги.

– Да, но когда Татьяна развернула упаковку, чтобы поставить цветы в воду, оказалось, что внутри букет обернут траурной лентой. Клянусь, она испугалась! И расстроилась, только виду не подала! И поставила-таки цветы в вазу. Упертая как черт знает что!

– Леночка, я думаю, что она главным образом нас с тобой пугать и расстраивать не хотела.

– Или не желала показывать, что ей страшно. Почему она оставила цветы?! Я бы, например, выбросила эту гадость в мусор незамедлительно.

– Кроме траурной ленты было что-то еще? Вижу, вас не только она напугала и расстроила.

– Вы очень проницательны, Женя! Дело и в самих цветах, и в их количестве!

– Четное число? – снова догадалась я.

– Именно! У нас принято приходить на похороны с четным количеством цветов, а дарить его живому человеку считается дурной приметой.

– Или пожеланием зла!

– А еще сами цветы.

– А что с ними?

– Это были белые лилии и каллы! Такие цветы дарят только покойникам! Лилии – девушкам, что умерли совсем юными, а каллы – старушкам, что и при жизни уже были одной ногой в могиле. Вот скажите, это ли не намек на скорую смерть?! Или пожелание таковой?!

– А записка была приложена к букету? – Я предпочла отказаться от комментария и задать встречный вопрос.

– Нет, в этот раз записки не было, насколько я знаю.

– Но все и так вполне понятно!

На некоторое время я задумалась. Все же Татьяна была права, когда отказалась идти с этим в полицию. Ясно, что напугало мать и сестру молодой женщины, но говоря объективно, ничего ужасного в этом букете я не вижу. Традиции в разных странах и культурах сильно различаются. Многие, к примеру, не видят в каллах ничего зловещего. В переводе с греческого это название означает «красивый», и во многих странах калла является символом юности и чистоты. Этот цветок означает уважение, преклонение, восхищение и благоговение и, наоборот, рекомендуется для букета невесты. Что до лилии, то ее значение: благородство, слава, невинность, величие и нежность. Этот цветок считают лучшим украшением свадебного стола или помещения для торжеств во многих культурах. Так что даритель, выбирая цветы, возможно, и не желал никого испугать. Что до количества цветов, то, к примеру, за границей принято дарить именно четное их количество. Остается траурная лента. Тут тоже можно найти свое объяснение. Могла произойти банальная ошибка или путаница.

Остаются странные записки. Их можно трактовать по-разному. И что конкретно хотел сказать писавший, сложно понять. И пожалуй, стоит расспросить саму Татьяну о смысле посланий. Вдруг ей как получателю писем понятно гораздо больше, чем нам, посторонним людям.

Но если здесь и имеют место угрозы, то очень тонкие и скрытые, и оставлять совершенно без внимания подобное нельзя, ведь если автор записок – недоброжелатель Татьяны, на этом он может не остановиться, и тогда события будут развиваться по нарастающей, так всегда бывает. И до чего может дойти этот преследователь, предположить сложно. Значит, во всей этой истории обязательно нужно разобраться. Но спокойно, без лишних нервов и ажиотажа.

– Что скажете, Женя? – кажется, пауза несколько затянулась, и Вера начала проявлять нетерпение.

– Наше дело очень сложное? – по-своему истолковала мое молчание Елена.

– Главное, скажите, вы возьметесь спасти мою дочь?!

– Вы неверно истолковали мое молчание, – попыталась я легкой улыбкой успокоить разволновавшихся женщин, – по давней привычке я просто размышляла, с чего стоит начать.

– То есть вы не откажетесь нам помочь?

– Я обещала вмешаться и сделаю это обязательно. Что до сложности проблемы, пока никаких конкретных выводов сделать не могу. Это преждевременно. Нужно разобраться во всем, провести расследование. Пока могу сказать, что ваши опасения и страхи могут иметь под собой конкретную почву, а может, и наоборот, права Татьяна, и письма с подарками ей шлет поклонник со странной манерой высказываться или нетипичным чувством юмора. И тогда оснований для беспокойства нет совершенно никаких.

– Женечка, огромное спасибо вам! За то, что вы отложили свои дела в Европе и согласились помочь! – воскликнула Вера.

«Так, без тети Милы здесь не обошлось, – усмехнулась я про себя. – Похоже, тетюшка снова решила слегка прихвастнуть».

– Мой контракт за границей не срочный, время терпит. Что до вашего дела, мне нужно незамедлительно начать расследование. Но главное, как я понимаю, убедить саму Татьяну в его необходимости.

– Да, нас она не слушает!

– Что ей мама и сестра, разве это авторитеты?! – сердито фыркнула Елена.

– Но вас, человека со стороны, причем телохранителя с таким опытом, она обязательно послушает.

– Хорошо. Отправлюсь к ней завтра с утра. Мне нужен адрес Татьяны и телефон.

– А наше присутствие? – женщины с тревогой переглянулись.

– Думаю, в этом нет особой необходимости. Вы, Вера, просто позвоните ей сегодня вечером и скажите, что утром приедет племянница тети Милы. Если не хотите, можете даже не пояснять цель моего визита. У Тани ведь не возникнет вопросов по поводу моего невинного желания свести знакомство?

– Конечно, нет, она вежливая, хорошо воспитанная девочка.

– И новая знакомая – это ведь в будущем потенциальный клиент, – в тоне Елены снова, на сей раз явственно прозвучали нотки зависти и даже легкого злорадства.

* * *

Поскольку приступать к работе мне нужно было не раньше завтрашнего дня, я не стала отменять встречу с Генкой, назначенную ранее.

Приятель пригласил меня на ужин в небольшой ресторанчик в центре, расположенный недалеко от управления. С Генкой мы дружны много лет. Когда-то вместе учились в Ворошиловке, постигали науку, преодолевали различные трудности, что с таким азартом создавали для нас инструкторы и преподаватели, и, как говорит народная поговорка, пуд соли вместе съели. Так что обсуждали мы обычно любые темы без утайки или стеснения. Наших отношений не портили даже постоянные признания Генки в неземной любви ко мне, которые я обычно не воспринимала всерьез или намеренно переводила в шутку.

Сначала мы, как водится, обменялись свежими новостями. Потом Генка расспросил о нашем с тетей Милой отдыхе, а также, усмехаясь, отпустил несколько шуточек, уверяя, что только я со своим везением и жаждой приключений могла ввязаться в расследование, будучи в отпуске на тропическом необитаемом острове, где отдыхающих раз, два и обчелся, да и делать-то особо нечего, кроме как плавать, загорать и поглощать различные экзотические фрукты. Мы развили эту тему и немного посмеялись. Потом Генка погрузился, озабоченно нахмурился и замолчал, будто вспомнил нечто неприятное. Наблюдая за поведением приятеля, я тоже задумалась. Конечно, у полковника полиции и начальника областного управления обычно бывает много забот и поводов для беспокойства или размышлений, но создавалось впечатление, что приятеля гложет нечто очень неприятное, сложное или непреодолимое.

– Генка, у тебя много работы или какие-то неприятности одолели? – попыталась я наконец вывести его из состояния задумчивости.

– С чего ты это решила? – Приятель часто отвечал вопросом на вопрос, когда не мог вовремя придумать отговорку.

– Встречу назначил возле управления, значит, несмотря на конец рабочего дня, планируешь вернуться назад, в свой кабинет. Значит, работы много.

– Да, – с готовностью согласился он, – навалилось как-то все сразу. Сама понимаешь: начальство, отчетность, внезапный рост особо тяжких. То мне холку мылят, то я, в свою очередь, устраиваю головомойку подчиненным.

– Не, – хмыкнула я, – не понимаю. Давным-давно уже сама себе начальник и босс. А ты колись давай, что-то еще тебя беспокоит?!

– Вот с чего ты это взяла?!

– Все вышеперечисленное – твои обычные рабочие будни, привычные трудности. Они тебя никогда аппетита не лишали. А сейчас сидишь, хмуришься. Задумался, да так, что любимый стейк жевать перестал. Того и гляди остынет, инеем покроется прямо на тарелке.

– Да нормально у меня все, – не повелся Генка на предложение пооткровенничать, – ты лучше скажи, как плечо поживает? Рана не сильно беспокоит?

– Чего об этом вообще разговаривать? Ранение было пустяковое. Все осложнения лишь оттого, что я к врачу не смогла сразу обратиться и пыталась лечиться подручными средствами. И потом, все давно прошло. Я уже отдохнула, полностью восстановилась и больше месяца занимаюсь с полной выкладкой, как обычно.

– И даже на погоду не ноет?

– Да нет. Нормально все. Отдых в тропическом климате на пользу пошел.

– Плавание в соленой морской воде? Да, говорят, это помогает, – меланхолично кивнул Генка.

– И что не так?! – не поняла я, почему приятель до сих пор сидит с кислой миной.

– Ты пулю получила на задании, которое я сосватал! Вот что! – выкрикнул полковник и даже, кажется, слегка стукнул кулаком по столу.

– Не ори, народ пугаешь, вон оглядываются уже.

– Ничего, меня здесь знают, переживут.

– Ага, – усмехнулась я, поправила прядь волос, которая все время падала на глаза, и решила уточнить: – Так ты из-за этого мучаешься? Брось! У меня своя голова на плечах имеется. И решение то я сама приняла, в Европу меня никто на аркане не тащил.

– Сама говорила, работа оказалась более рискованной, чем предполагалось, и об этом тебя никто не потрудились предупредить.

– И ты решил всю вину на себя взять? Генка, брось! Не обращай внимания. А тот разговор вообще забудь. Чего сгоряча не скажешь? Моя работа всегда связана с рисками, нам ли не знать. Да, схватила пулю. Впредь наука будет не связываться с государственными конторами и их подковерными играми. Впрочем, я и так это знала, – снова хмыкнула я и внимательно уставилась в лицо приятеля. Что-то еще было не так.

– Ты вроде за границу собиралась. Когда уезжаешь?

– Не скоро, – ответила я, внимательно следя за реакцией бравого полковника, – там все откладывается пока.

Генкино лицо помрачнело.

– Но я и бездельничать не буду. Представляешь, тетя Мила мне работу нашла. Охранять дочь ее давней подруги – талантливую художницу, между прочим.

– Тетя Мила?! Надо же! – На лице приятеля появилось выражение одновременно удивления и облегчения.

– Но там работы немного, думаю, – опустив глаза в свою тарелку и наблюдая из-под длинных ресниц, лениво бросила я.

– Да? – Даже в интонации голоса Генка не смог скрыть разочарования, а уж лицо его так и вовсе вытянулось и снова помрачнело.

– Так, мне это надоело! – вспыхнула я.

– Чего?! – растерялся от внезапного напора приятель.

– Полковнику, начальнику управления со стажем, нужно лучше уметь свои эмоции скрывать! Вот чего! Давай рассказывай, что происходит?! Я так понимаю, ты по своим каналам каких-то новостей нахватался, и это каким-то образом и меня касается?!

– С чего ты так решила?!

– Гена, этот трюк прокатывает, только когда я тебе это позволяю! Но не думай, что я не вижу твоих уловок! Так что не отвечай вопросом на вопрос, мы не в Одессе! Давай выкладывай!

– Ладно, не злись, – миролюбиво протянул Генка. Потом немного помолчал, словно собираясь с духом или пропуская через фильтр имеющуюся информацию. – У твоего недавнего подопечного неприятности назревают, слышала?

– Это у которого, у Алекса, что ли?

– Ты прекрасно знаешь, что провального агента, которого ты эвакуировала из Европы, не так зовут, – Генка зачем-то перешел на шепот.

– Во-первых, я привыкла именно к этому имени. Во-вторых, эти новости даже ты по своим каналам узнать никак не мог, куда уж мне.

– У меня есть возможности, – загадочно протянул Генка, – а ты можешь быть в курсе лишь в одном случае, – полковник многозначительно замолчал.

– Если сам Алекс попросил меня о помощи? – озвучила я мысль, написанную сейчас на его лице крупными буквами. – Ты меня за этим звал? Чтобы почву пробить?

– Нет, я только что узнал, а о встрече мы на прошлой неделе договорились.

– Хорошо. Ты, наконец, выскажешь свои опасения или я должна сама догадаться и просчитать?

– Да, собственно, чего просчитывать! Я и так уже раскрыл все карты. Женька, Алекс может обратиться к тебе за помощью, и ты, как всегда, ввяжешься в авантюру, чтобы помочь не чужому для тебя человеку.

– На психологическом уровне телохранитель, как правило, всегда привязывается к своему подопечному. Сам знаешь, мы в ответе за тех, кого спасали, и все такое прочее. Тем более что Алекс вовсе не пузатый, пропивший остаток мозга бизнесмен без реакции, беззащитный перед любой внешней угрозой. В той командировке мы стояли плечом к плечу, отбили множество атак, и не только его жену спасли, но и выжили оба, что дорогого стоит и сближает навсегда.

– Боевое братство, значит?! – зло хмыкнул Генка.

– Откуда столько яда? – искренне изумилась я. – Когда-то это и для тебя было не пустой фразой!

– Прости, Жень, я просто злюсь.

– С чего бы это?

– Ты подтвердила мои опасения. И сразу ожил мой самый большой страх.

– Это какой же? – насупилась я.

– Потерять любимую женщину, разумеется, – говоря это, Генка, в свою очередь, внимательно всматривался в мое лицо. – Вот, я так и думал! Ты разозлилась, как, впрочем, всегда, когда я упоминаю о своих к тебе чувствах.

– Давай об этом потом, ладно?

Генка молча кивнул.

– А сейчас я должна прояснить один момент, раз ты так переживаешь. Только это строго между нами.

– Согласен.

– Алекс не просто с головой на плечах парень. Он гений, способный заткнуть за пояс многих, если не всех в своей конторе. Так что начинать полномасштабную войну без уверенности в победе он не стал бы никогда. Более того, парень приехал из командировки не с пустыми руками, а с парочкой тузов в рукаве. Точно знаю! Так что я в него верю. И если Алексу понадобится помощь, размышлять долго не стану.

– Пожалуй, этот момент мы уже прояснили, – буркнул Генка.

– Более того, я прошу тебя не оставить мальчишку без поддержки, если так станется, что я буду вне пределов досягаемости.

– А вот это, Женечка, уже запрещенный прием!

– Тебе не нужно ввязываться в бой, идти против смежного ведомства или как-либо еще рисковать жизнью и карьерой. Я сейчас говорю о посильной поддержке. Информативной, агентурной, или что там ему может понадобиться.

– Ладно, вы связь поддерживаете?

– Есть канал на самый пожарный случай.

– Дай ему мой личный контакт, тот, который экстренный. Если надо будет, пусть обращается.

– Спасибо, Геночка, – широко улыбнулась я.

– Веревки ты из меня вьешь, – усмехаясь, фыркнул приятель, – кстати, сорока на хвосте принесла, что в том лагере у тебя полно фанатов.

– В каком смысле?

– Жена Алекса сегодня родила сына.

– Анна? Какая чудесная новость! Слушай, Генка, с этого надо было начинать! А еще, пожалуй, за них стоит выпить!

– Само собой, сейчас закажу. Знаешь, как мальчика назвали? Евгением! Это ли не признание в любви, детка?!

– О! – я немного помолчала. – Надо им послать что-нибудь. Лично контактировать нам сейчас не стоит, но инкогнито. Подарок малышу-тезке. И Анне цветы и корзину с фруктами!

– Это конечно. Ты все выбери, а я сам отправлю. Чтобы, в случае чего, на тебя через курьера не вышли. Они обычно ребятки приметливые и любопытные, как мартышки, по опыту знаю. А так шлет мужик, бывший поклонник или дальний родственник. Никто не заинтересуется.

– Спасибо, Гена, это хорошая мысль, – задумчиво пробормотала я.

– Чего задумалась? Такая простая мысль разве не приходила тебе в голову?

– Разумеется, да. То есть нет. Я просто подумала: если презенты, цветы и разные подарки оставляют прямо у дверей квартиры, это же не значит, что их не курьер принес? Просто посылному могли дать такие инструкции специально. По крайней мере, полагаю, проверить стоит.

– Вот сейчас совсем не понял, – растерялся Генка, – ты кого ловить собралась?

– А, не бери в голову, – махнула я, принимаясь за прерванный было в пылу дискуссии ужин, – просто мысли по поводу нового расследования.

– Твоей новой подопечной шлют неприятные презенты? – хмыкнул полковник.

– И к тому же подарки пугают ее родню. Так что расследование провести стоит, но пока я объективно не вижу ничего особо тревожного или опасного. Так, согласилась, чтобы тетю Милу не расстраивать и не бросать на произвол судьбы беззащитных женщин.

* * *

Говоря откровенно, Татьяна показалась мне особой здравомыслящей, умной и способной самостоятельно постоять за себя. По крайней мере, такое впечатление складывалось после общения с ее родственницами, сестрой и матерью, исходя из слов, которыми они сознательно хотели охарактеризовать Татьяну, или из тех, что случайно, словно сами собой просачивались в беседу. И возможно, именно мать с сестрой разводили панику и преувеличивали возможную опасность.

Так что, направляя любимый «фольк» улицами города к дому Татьяны, я была готова к тому, что она меня встретит, вежливо со мной пообщается, возможно, напоит чаем с плюшками, а потом отправит восвояси, категорически отказавшись от услуг телохранителя.

Квартира, в которой жила Татьяна, находилась на последнем этаже девятиэтажного дома. Женщина сделала ремонт с перепланировкой, чтобы расширить окна в двух комнатах, превратить их в панорамные по типу французских и впустить в помещение максимум солнечного света. Обе эти комнаты она отвела под работу. Как я поняла, в одной находилась мастерская, а другая была смесью гостиной, выставочного зала и будуара на современный богемный лад. Здесь стояли два низеньких чайных столика. На одном был сервирован чай с вареньем и пряниками, а на другом валялись кисти, палитра, тюбики с краской, несколько сухих коряг, видимо, заготовки для натюрмортов, и карандашные наброски на листах бумаги. Столики окружали всевозможные разномастные цветные пуфики и узкие диванчики, на которых в живописном беспорядке были разбросаны яркие подушки. По стенам всюду были развешаны картины разной тематики, видимо принадлежащие кисти хозяйки. Вокруг стояло много цветов в обычных и огромных напольных вазах. Створки большого панорамного окна были распахнуты настежь, и ветер шевелил тонкие шелковые занавески нежного василькового цвета.

– Когда-нибудь вы обязательно должны написать эту комнату, – сказала я после взаимных приветствий, – получится занятная картина.

Татьяна рассмеялась:

– Вы словно мысли читаете, Евгения. Я думала об этом не раз, да вот все некогда, руки не доходят.

Хозяйка апартаментов пригласила меня выпить чаю и тут же проворно занялась его сервировкой. А я невольно залюбовалась красотой этой женщины. Еще в коридоре, когда Татьяна открыла дверь и, пригласив следовать за ней, двинулась в глубь квартиры, я обратила внимание на ее осанку и особенную статью. Женщина была примерно среднего роста, но казалась выше, благодаря манере держаться. Она была похожа на статую, выточенную талантливым мастером, и двигалась она невероятно грациозно. В ней все было гармонично и пропорционально. Точечная фигура, ровная спина, развернутые плечи, изящный поворот головы, тонкая талия, высокая грудь и округлые бедра. Если бы Вера с Леной не говорили о том, что Татьяна занимается танцами, я бы догадалась сама, едва взглянув на ее осанку и походку. Хотя танцами занимаются многие, а так двигаться могут лишь единицы. С этой грацией нужно было родиться, не иначе.

Теперь я понимала ревность, что сквозила практически в каждой фразе Елены, когда она говорила о сестре. Кроме точечной фигуры и выдающейся грации, Татьяна была обладательницей яркой восточной красоты. Чуть смуглая кожа, высокие скулы, темно-зеленые, большие, миндалевидной формы глаза, пушистые ресницы, яркие губы. Строгий критик, пожалуй, мог бы сказать, что рот молодой женщины был немного крупноват, но это только добавляло ей лишнюю изюминку и, как следствие, увеличивало природный шарм. Все же Елена была права, когда заявляла, что в их семье она обычная, а Татьяна красавица. Редкая красавица, хотелось мне добавить от себя.

– Вы меня так внимательно рассматриваете. – Казалось, женщина, занятая хлопотами с чаем, не обращала на меня никакого внимания, даже не поднимала глаз от стола, но от нее не ускользнула ни единая мелочь.

– Каюсь, не удержалась, – рассмеялась я, – ваша сестра очень хвалила вашу внешность и заинтриговала меня заранее.

– И как я вам? – она продолжала следить за мной из-под полуопущенных ресниц, а по ее губам пробежала мимолетная усмешка.

– Ее описание не передает и сотой доли вашей природной красоты. Вам нужно на сцене выступать, возможно, с танцами.

– Женя, вы невероятно проникательны. Я и выступаю, правда, как любитель, но достаточно регулярно.

– Серьезно? Вера с Леной говорили, только я подумала, что вы просто танцуете в группе единомышленников. Для удовольствия и поддержания формы.

– Именно, только мы с единомышленниками несколько лет назад создали танцевальную группу, «Вересковый мед» называется, и выступаем на фестивалях, корпоративах или в клубах. Собственно, везде, куда приглашают, если позволяет время, ведь все мы люди работающие.

– Как интересно! А что танцуете, в каком стиле я имею в виду?

– Трабл. Этот стиль вошел в моду несколько лет назад. Его придумала одна испанка, и он сочетает в себе элементы арабского, испанского, индийского и цыганского танца. В трабле существует два направления: АТС и фьюжн. В первом больше импровизации, а во втором упор делается на постановку.

– А музыка?

– В трабле может быть любая музыка. У нашей группы есть постановка на основе грузинской этнической песни «Белый ангел», это очень красиво. Есть постановки на тему испанских танцев, египетских мотивов, а также нами часто используются джазовые музыкальные композиции.

– Как это занимательно, – протянула я.

– Впрочем, вы ведь пришли не о танцах поговорить, – словно узрев в моих словах намек, произнесла Татьяна, – для меня это не просто увлечение, а давняя любовь, которую дано понять очень немногим, и говорить на эту тему я могу часами.

– Мне правда очень интересно.

– Благодарю, – кивнула Татьяна, но все же предпочла сменить тему: – Мама так туманно объяснила цель вашего визита, что, честно говоря, я нуждаюсь в пояснениях.

– Она просто не рискнула сказать прямо, – согласно кивнула я, – но ваши родственники наняли меня для вашей охраны. Я племянница Милы, давней подруги вашей мамы, и последние годы работаю телохранителем.

– От какой организации? – растерянно прошептала Татьяна.

– Ни от какой. Я частник с лицензией, разрешением на ношение огнестрельного оружия и огромным опытом работы.

Несколько секунд женщина молчала, сосредоточенно помешивая ложечкой чай в своей чашке.

– Понимаю, их испугал тот злополучный букет. Но я ничего кошмарного или опасного здесь не вижу. Да, моя жизнь в последние годы круто изменилась. Значительно увеличился доход, пришла некоторая известность и, как следствие, внимание со стороны совсем незнакомых и не всегда адекватных людей. Но нанимать телохранителя, да еще не посоветовавшись со мной, это явный перебор!

– Пожалуй, соглашусь с вами. Случай беспрецедентный. Обычно меня просят о помощи именно те люди, которым грозит опасность.

– Но я не уверена, что мне вообще что-то угрожает! Неугомонные родственницы не в счет, естественно, – несмотря на злость, Татьяна усмехнулась. – Поймите, Женя, я не такой человек. Жить в изоляции или ходить всюду в сопровождении бодигарда до конца дней? Я этого делать не стану. Тем более что ваши услуги, вероятно, дороги, а я, хоть и стала зарабатывать весьма прилично, отнюдь не богата. И кроме всего прочего, помогаю деньгами матери с сестрой и сыну с невесткой.

Кажется, подсознательно я ждала подобной отповеди, поэтому совсем не удивилась. Слух резанула лишь одна фраза, которая показалась мне невероятной.

– Сыну с невесткой? Как это? У вас такой взрослый сын?

– Конечно, он самостоятельный парень и давно живет отдельно, но как молодой специалист зарабатывает пока немного, так что помощь всегда к месту.

– Простите, Таня, а сколько вам лет? – растерянно прошептала я.

– А сколько дадите? – озорно хихикнула она.

– Раньше я сказала бы, что вам лет двадцать семь, максимум тридцать, но математика вещь беспощадная, и, понимая, что это невозможно, теряюсь в догадках.

– Мне слегка за сорок, – заговорщицким шепотом прошептала она, – только никому не рассказывайте.

– В жизни не подумала бы.

– Когда мы вместе выбираемся на публику, прием это или выставка, Егор меня Татьяной кличет, чтобы не дискредитировать, – рассмеялась женщина. – Это мой агент придумал. Он полагает, что кардинально менять свою жизнь и к тому же достигать успеха могут лишь юные. Вернее, уверяет, что так думают большинство людей и потенциальных клиентов.

– Ваша популярность растет, может быть, он знает, что делает.

– Наверное. Мне хочется лишь писать да танцевать, а агент продельывает всю остальную работу. Поэтому, как правило, я с ним не спорю.

– Но несмотря на массу плюсов, которые пришли с популярностью, недоброжелатели или неадекватные поклонники у вас все же имеются.

– Похоже на то. С другой стороны, я ведь не медовый пряник, чтобы всем подряд нравиться. Правда?

– В том и проблема. Может статься, что вы слишком сильно понравились кому-то совсем странному.

– Полагаете, что это может быть моя вина?

– Ни в коем случае! Это скорее беда. И я считаю, что разобраться во всем необходимо, чтобы исключить риски и спать спокойно по ночам. То есть вы можете меня нанять лишь временно, как, собственно, и делают многие мои клиенты. Чтобы вычислить проблему и устранить ее. И мама перестанет волноваться. Вера рассказывала, что стала страдать бессонницей от постоянных переживаний.

– «Устранить» в смысле «убить»? – странным образом Татьяна ухватилась лишь за часть фразы.

– Я воспитывалась как воин и до того, как уйти на вольные хлеба, служила государству, бывала в командировках и участвовала в операциях. Так что убивать мне, разумеется, доводилось. Но сейчас я имела в виду не это. Арестовать, предъявить обвинения, предоставить улики, что всплывут во время расследования. А дальше по обстоятельствам: тюрьма или клиника, если выяснится, что человек совсем неадекватный. План такой примерно: стрелять будем только в крайнем случае, если жизни клиента имеется прямая угроза.

– Пожалуй, я вынуждена пояснить вам, Женя, почему эта неприятная ситуация меня не слишком пугает.

– Вы думаете, что знаете отправителя? – догадалась я.

– Все же вы невероятно проникательны, Женя, – усмехнулась Татьяна, – впрочем, полагаю, это профессия некий отпечаток накладывает.

– Возможно. Так вы мне расскажете?

– Конечно, а вы пока пейте чай. И угощайтесь: печенье, пряники, варенье и мед, сахара, простите, не держу.

– Спасибо, я тоже без сахара пью.

– Собственно, история не будет долгой. Несколько лет назад я поняла, что трабл довольно перспективное направление в танцах. И вы уже знаете, что с компанией единомышленников, еще трех девушек, мы решили создать группу. Придумали название, поставили несколько танцев, изготовили костюмы, что-то сделали сами, что-то заказали. То есть мы сами занимались

рекламой, постановкой номеров, завели свой блог в Интернете и так далее. Изначально каждая участница вносила свой вклад и могла воплотить в жизнь возникшие идеи. Полная гармония и свобода творчества – так это все задумывалось. Должности администратора у нас, по сути, не было, и мы все по очереди выполняли эти обязанности и решали возникшие задачи. Так продолжалось некоторое время. Одна девушка из нашей группы, Лиза Брянцева, в силу характера проявляла больше активности, раздавала свои визитки на фестивалях, давала рекламу в Интернете, организовывала съемку наших выступлений и выкладывала ролики в нашем блоге. То есть со временем вроде как заняла этот пост.

– А нанять на эту должность человека не из группы не было возможности?

– Мы просто не могли себе этого позволить, – сразу уловила мою мысль Татьяна. – Сама группа особых денег не приносила. Костюмы требуют немалых финансовых вложений, плюс аренда репетиционного зала, оплата переездов. Прибыли же едва хватало на билеты для всех, да и то частенько приходилось добавлять денег. А группа состоит из обычных людей со средним доходом, так что нам это было не по карману. В общем, так или иначе постепенно Лиза сама стала вести блог, и ей со временем стали звонить люди, которые видели рекламу или получили ее телефон с визиткой. Просили выступить в клубе или приглашали на фестиваль. И все было вроде бы неплохо, но со временем Лиза возомнила себя и хореографом, и начальником остальных членов группы. Не давала никому вставить и слова во время постановки новых номеров, позволяла себе прикрикивать на нас с девчонками или даже пускала в ход неприемлемые комментарии или критику, что не могло не возмущать остальных членов группы. Но мы какое-то время терпели и даже старались сглаживать некоторые углы, чтобы не накалять обстановку. Но Лиза не унималась и со временем только набирала обороты. И в один прекрасный день возник конфликт, а за ним и серьезный разговор, в результате которого Лиза Брянцева покинула группу.

– То есть вы все собрались вместе, поставили вопрос ребром и предложили ей уйти?

– Именно так. Мы остались втроем. Пришлось слегка изменить постановку в некоторых номерах, заново создавать блог и давать рекламу. Мы лишились некоторых контактов. Но главное не это. Наша группа создавалась не с целью заработать денег или снискать невероятную популярность. Мы все просто хотели танцевать, в первую очередь потому, что любим танцы и не можем прожить без них и дня.

– И что же теперь?

– Полагаю, сейчас, без внутренних конфликтов, в группе стало гораздо комфортнее, и наш репетиционный зал является местом, где собираются единомышленники и где можно расслабиться и отдохнуть душой.

– А что же Брянцева?

– Лиза осталась одна, но выступать соло не стала. И вообще вроде как забросила танцы. Возможно, поначалу она ожидала, что ее позовут обратно, и теперь, когда этого не произошло, затаила обиду. По крайней мере прислать букет с траурной лентой – дурная шутка вполне в стиле Лизы. Но меня подобное совершенно не трогает. И потом, я ни каллы, ни лилии не считаю какими-то неуместными цветами. Жаль только, что мама с сестрой все это увидели. Они и так были настороже, а тогда еще больше испугались и расстроились.

– Таня, скажите, а остальным членам группы тоже присылали цветы с траурной лентой?

– Нет, насколько я знаю.

– Не находите странным сей факт? Может статься, что это и не Брянцева вовсе?

– Она, скорее всего. – Татьяна немного помолчала. – Понимаете, Лиза считает меня инициатором ее изгнания. И уходя, она сыпала обвинениями, естественно голословными, а также проклятиями. Но букет – это ее выходка, без сомнения. Вроде как завуалированное пожелание: «Чтоб ты издохла!»

– Понятно, и вы считаете, что Лиза Брянцева способна только на мелкие колкости и пакости и ожидать от нее серьезных противоправных действий не стоит?

Татьяна снова немного помолчала.

– Понимаете, Женя, Лиза довольно сложный человек по характеру. Она, без сомнения, талантлива, но к этому примешиваются несдержанность и непомерные амбиции вкупе с полным отсутствием такта, который должен быть присущ руководителю любого ранга. Но Лиза не понимала, что у нее не получается взаимодействовать с людьми. Не понимала, почему мы злимся и готовы расстаться с ней, ведь она столько сделала для группы. И Лиза действительно прикладывала усилия, старалась и тратила личное время. То есть если вы поговорите с самой Брянцевой, то услышите немного другую историю.

– С ее точки зрения она будет звучать по-другому?

– Конечно, ведь Лиза пропустила все через призму своего личного восприятия, и я не удивлюсь, если выяснится, что она обижена на нас всех и на меня в частности. Но я уважала ее инициативу и приложенные усилия и старалась избежать конфликта, который повлек ее уход, всеми силами. Сглаживала углы, пока это было возможно. Но скандал произошел, и к прежнему возврата не будет, мы все устали работать в атмосфере вражды и напряжения, которую Лиза так умело создавала и культивировала. И я допускаю, что она сердится и даже замышляет месть. Или строит планы своего триумфального возвращения, не знаю, что ее утешит больше. Например, она может свою группу создать или стать продюсером. И у Брянцевой получится, если сможет натуру свою сдержать. Полагаю, ее злость рано или поздно пройдет, и дальше в своей мести она не пойдет никогда. Так что, по сути, мне, да и девочкам из группы, ничего страшного не грозит.

– Насколько я поняла, вы лично с Брянцевой не разговаривали со времени ее ухода?

– Нет, разумеется. Уходя, Лиза сыпала оскорблениями. Звонить, чтобы нарваться на новые? Ни мне, ни девочкам это совершенно не нужно.

– И она вам не угрожала?

– Лично мне или кому-то из группы – нет. Она просто наговорила гадостей, в числе которых, например, то, что у нас самих все развалится и ничего не получится без нее, и прочее, все в таком же духе.

– Тогда почему вы сразу же решили, что букет, так сильно испугавший ваших близких, прислан Лизой Брянцевой?

– Я сразу про нее подумала, как только траурную ленточку заметила. А первый порыв или мысль, как известно, самые правильные.

– Понимаю, – кивнула я, – и, в общем-то, согласна. Но как тогда быть с остальными посылками и письмами? Что вы думаете касательно их отправителя? Или ваше спокойствие снова зиждется на определенном знании? Например, вы знаете, что их присылает давний поклонник, о котором неизвестно сестре и матери? Между вами существует некая игра, разновидность флирта, и отправитель записок ни разу не вышел за рамки, обозначенные вами обоими. Тогда я могу быть относительно спокойна и с чистой совестью откажусь от этой работы.

На несколько мгновений Татьяна задумалась.

– В данный момент у меня совершенное затишье в личной жизни, если вы на тайного любовника намекали. И признаться, эти письма, а также некоторые из посылок меня несколько нервируют. Главным образом записки, конечно же. Я бы их охарактеризовала как весьма неоднозначные. Словно автор желает что-то сказать, донести некую непонятную мне мысль, что вертится у него в голове.

Соглашаясь, я снова кивнула.

– И это все, что вас беспокоит?

– Нет, не только это. Вы, видимо, тоже заметили этот момент. Он обращается ко мне, словно к давней знакомой. Вернее, даже не так. Будто между нами была или есть некая связь. Но я правда не могу сказать или даже предположить, кто это все присылает, кто пишет.

– Может быть, бывший муж? Услышал про ваши успехи, решил восстановить общение и поздравить, и снова возбудить интерес к себе?

– Нет, это не может быть он, – покачав головой, Татьяна грустно усмехнулась. – Андрей давно эмигрировал в Америку. Живет в штате Мэн несколько лет. Преподает математику в местном университете и совершенно занят своей особой. Как, впрочем, и во времена нашего брака. Сейчас, кстати, Егор с Настей гостят там. Уехали на целый месяц, захотели страну посмотреть. Так Андрей сделал вызов и документы помог оформить, и на этом все. Сын с невесткой сами себе предоставлены. Путешествуют, останавливаются в гостиницах и почти совсем не общаются с Андреем. Егор говорит, что отец его сразу предупредил, что нянчиться ни с кем не станет и в доме своем не поселит. Гости, видите ли, нарушают его уединение и мешают работе мысли.

– Понятно. Но сейчас при желании доставку можно организовать практически из любого уголка земли. Может, все же стоит поинтересоваться?

– Каюсь, был период, когда записки меня очень интриговали, и я попросила Егора выяснить осторожно у отца, не он ли шлет все это.

– И что же? – нетерпеливо протянула я, так как Татьяна снова замолчала.

– Делать этого не стоило, вот что! Егор и «осторожность» – понятия плохо совместимые. Сын спросил, как обычно, прямо в лоб. Это не Андрей. Бывший муж не просто удивился, он сильно растерялся и озадачился, когда понял, что я могла предполагать подобное. В общем, вышло довольно глупо. Даже стыдно. Но у меня, правда, больше не было других вариантов в голове.

– Постарайтесь вспомнить, когда пришло первое послание или подарок?

– Говоря откровенно, это довольно сложно. Я ведь не знала тогда, что это будет не единственный случай, и не старалась запомнить, не потрудилась записать. А с датами у меня не очень, вечно путаю.

– Пусть это будет не точная дата, примерно.

– Я уже начала писать и даже продала несколько картин. И, пожалуй, поучаствовала в нескольких выставках. Здесь, у нас в Тарасове. Они были групповые, выставлялись и другие художники. Но раскупили только мои представленные картины, причем все без исключения. Так что это уже было большим успехом, и мне многие знакомые звонили с поздравлениями или открытки с цветами присылали. Вот в числе тех подарков и были цветы с неоднозначной запиской.

– То есть прошло около двух лет?

– Да, примерно. Чуть меньше, пожалуй.

– А сейчас посылки с записками продолжают приходить?

– Да, я регулярно нахожу их на своем пороге.

– А с какой регулярностью, не пытались отследить? Например, в начале месяца или всегда в конце?

– Или в дни полнолуния? – иронично хмыкнула Татьяна. – Системы нет, или она не бросается в глаза.

– Или вы просто не пытались сопоставить.

– Возможно. Но теперь и вы ничего сделать не сможете. Записки не датированы, и я не задавалась целью записывать, даже запомнить не пыталась, что и когда доставили, а уж с какой периодичностью, тем более.

– Понятно. А что-нибудь присылали недавно?

– Вот эти розы, – Татьяна махнула рукой в сторону напольной вазы, в которой стояли кремового оттенка цветы на высокой ножке, – они из последнего букета. Его оставили на моем пороге два дня назад.

– Записка была?

– Да: «Прекрасные цветы для прекрасной женщины».

– Фраза расхожая.

– Если не сказать слегка банальная. Но цветы очень красивые.

– И сам букет достаточно дорогой. Высокая ножка, крупная чашка, и цветы свежие, будто только что срезаны с куста. И количество, сколько их? Дюжина?

– Пятнадцать штук.

– Нечетное количество. Соблюдено негласное правило, принятое в нашей стране.

– Да, я тоже думаю, что их прислал соотечественник, – кивнула Татьяна, потом немного помолчала и торжественным голосом, как в старых детективах, добавила: – Круг подозреваемых сужается.

И мы дружно рассмеялись.

– Ирония – это хорошо, – сказала я, – но если подумать, складывается впечатление, что эти записки с посылками отправляет не один человек и даже не два. И кто бы то ни был: поклонник или недоброжелатель, провести расследование и выяснить их личности необходимо. Времени это займет немного, и, как следствие, сумма гонорара будет небольшой. Но собственное спокойствие, а также спокойствие близких стоит того, поверьте.

– Или мама с сестрой попросят у меня денег и сами вас наймут. И я буду с телохранителем, за услуги которого сама и заплачу, так или иначе, – хмыкнула Татьяна.

– Думаю, мы не станем доводить ситуацию до подобного абсурда, – вернула я усмешку. – И кстати, есть одно важное обстоятельство. Возможно, ваш, назовем его пока «тайный поклонник», входит в круг вашего близкого окружения или имеет возможность другим способом наблюдать за вами.

– Тогда появление у меня телохранителя его может разозлить?

– Если он не совсем здоров психически, то да, вполне. И разозлить и спровоцировать на более активные или даже агрессивные действия. Поэтому объявлять, что я являюсь бодигардом, мы в вашем окружении не станем.

– Но вы будете рядом весь день?

– В переезде пока нет необходимости, ведь «поклонник» не проявляет активности большей, чем обычно, и за последние месяцы его поведение совсем не изменилось. Да и вам будет так гораздо комфортнее. Я стану находиться при вас на всех встречах и во время всех передвижений. Вечером буду оставлять вас в квартире. Двери и замки у вас крепкие, достаточно надежные, имеется внутренний засов. Так что с этой стороны ничего вам не грозит. Только не оставляйте на ночь окна открытыми и сами не открывайте дверей посторонним.

– Но если днем вы все время будете рядом, нужно что-то придумать. Что-то вразумительное. У меня бывает масса народу: устроители выставки, мой агент, да и просто клиенты, что заказали картину или желают выбрать-заказать. Как вас представить всем этим людям? Как очередного клиента?

– Думаю, нет. Клиент или заказчик не может торчать рядом целыми днями. Пожалуй, стоит представить меня знакомым как ученицу.

– Как кого, простите?!

– Богатую взбалмошную особу, которая является почитателем вашей самобытной живописи и вздумала изучить стиль вашего письма. Докопаться до истоков таланта, так сказать. Для этого нужно быть рядом много часов подряд, включая то время, что вы работаете. Я, в свою очередь, полностью понимаю суть творческого процесса и обязуюсь не мешать и не отвлекать от работы.

– А у меня ее неисчерпаемое море, кстати сказать, – всплеснула Татьяна руками, – вечно ничего не успеваю!

– Если мы с вами договорились, то не смею больше отвлекать.

– В принципе, да. Но разве вам не следует, не знаю, задать мне разные уточняющие вопросы? Записать данные Брянцевой? Ведь с ее проверки, беседы с ней вы, полагаю, и собираетесь начать?

– Конечно. Но мы все это сможем зафиксировать во время небольшого перерыва. Например, на обед. Так что вы можете спокойно приступать к работе, а я пока осмотрюсь немного. Полагаю, привыкать к моему постоянному присутствию вам будет сложно, художники, как правило, стремятся к одиночеству, если это не портретисты. Но повторюсь, я постараюсь не мешать и не отвлекать вас от работы. Есть только один вопрос: записки, что вам присылали, вы сохранили?

– Сначала выбрасывала, – с готовностью кивнула Татьяна, – не думала, что подобное стоит беречь, не стихи же шлют, в самом деле. А потом, повинуясь какому-то странному порыву, начала складывать. Пройдемте в рабочий кабинет, они там, в вазочке, в шкафу все лежат.

* * *

На мольберте стояла почти законченная картина. Быстрый, пенящийся горный водопад, сбегаящий со скалы, впадает в неожиданно небольшое, круглое озеро, окруженное высокими травами и разнообразными яркими, кое-где экзотическими цветами. Ближе к зрителю, на переднем плане, цветы становятся крупнее и прорисованы четче. Вокруг летают пчелы и бабочки, а неподалеку от озера прямо на траве сидит симпатичная девушка. Присмотревшись, я с удивлением заметила за спиной девушки тонкие, практически прозрачные крылья.

– Это фея? – вырвалось у меня шепотом.

– Да, я ее еще не доработала. Хочу сделать крылья прозрачными, в радужных разводах, как у стрекозы или самой светлой бабочки, какая только существует в природе.

– Поразительно! От этой картины веет покоем, очарованием и какой-то очень древней сказкой. Чем-то далеким, из детства. Родным, но давно забытым.

– Спасибо, Женя. Вы невероятно тонко все подмечаете, впрочем, как обычно.

– Это чей-то заказ?

– Нет. Я готовлю ее для выставки. – Татьяна протянула мне записки, которые только что вытащила из вазочки, вернее, широкой конфетницы.

– Спасибо. Можно я посмотрю остальные картины?

– Конечно. Правда, некоторые из них уже упакованы. Но те, что на стенах или на подставках, смотрите, пожалуйста.

– Спасибо. И еще одно: нам предстоит общаться достаточно долго, может, для удобства перейдем на «ты»? Если вы не против?

– Да, разумеется, я и сама хотела предложить, только не решилась. Честно говоря, я обычно далеко не сразу схожусь с людьми, но у меня крепнет ощущение, что мы с тобой понимаем друг друга с полуслова и вообще давно знакомы.

– Может быть, в прошлой жизни? – усмехнулась я.

– Ты в это веришь? – встрепенулась Татьяна, и глаза ее загорелись.

– Я скептик по жизни и атеист, не верящий в мистику, но одновременно у меня не только развитые инстинкты, но и хорошая интуиция, и иногда, очень редко, при знакомстве с человеком я чувствую симпатию, которую не объяснить рационально, только лишь неким родством душ.

– Женя, ты снова словно мысли мои озвучила, – кивнула Татьяна и принялась за работу.

Работала женщина долго и увлеченно, ни на что не отвлекаясь. Впрочем, мне и самой было чем заняться. Сначала я внимательно прочла все записки и разложила их на три разные стопки. В первую пошли записки странные и двусмысленные. Вроде тех, что упоминали Вера с Еленой. Или такие, например: «Дверь осталась полуоткрытой, и ты всегда можешь снова заглянуть на ту сторону» и «Море на твоих картинах пронзительно, как твои глаза. Они манят заглянуть в зазеркалье». «Чувства подобны костру. После каждой встречи он разгорается все больше». Во вторую я отложила записки обычные и даже банальные, вроде: «Красивые цветы для красивой женщины». А в третью такие записки, которые при желании можно было поместить как в первую, так и во вторую стопку.

Теперь следовало еще раз все это внимательно прочесть и тщательно проанализировать, особенно послания необычные, двусмысленные и настораживающие. Впрочем, этим можно было и дома вечером заняться.

А сейчас я предпочла неспешно и подолгу рассматривать картины Татьяны, чтобы лучше понять внутренний мир и мысли своей подопечной, а может быть, если повезет, вычислить, чем именно она смогла привлечь столь странного поклонника или поклонников. Ведь, судя по всему, ее творчество играло немаловажную роль и, возможно, влияло на активность ее фанатов.

Если поразмыслить, все произведения Татьяны Новой, вернее, ту их часть, что мне удалось просмотреть, можно условно разделить на несколько категорий. Первая подборка картин представляла собой всевозможные пейзажи. Женщина с одинаковым увлечением и мастерством изображала море, горы, поля с цветами и речками. От каждого такого произведения веяло спокойствием и тишиной.

На картинах из второй категории были изображены городские пейзажи. Это мог быть город и несколько пешеходов, мокнущих под затяжным осенним дождем, или старинные улочки, залитые ярким солнцем, похожие на греческие или турецкие постройки.

Набережная, с которой в лазурную морскую даль смотрит маленькая девочка в белом платье и соломенной шляпке.

Маленький домик, прислонившийся к скале у моря, или часть роскошного старинного дворца с цветами в напольных вазах у подножия мраморной лестницы. Каждая из этих картин была талантливо написана и по-своему интересна.

Третья категория представляла собой всевозможные цветы в вазах и на кустах. Прямо в чистом поле или на пестрой клумбе. Это были розы, ромашки, орхидеи и яркие алые маки, а также разные экзотические растения, названия которых я, возможно, когда-то слышала, но сейчас они ускользали от меня.

Но некоторые картины я автоматически внесла в отдельную категорию. И не потому, что их объединяла какая-то общая тема, а скорее по впечатлению, которое они произвели на меня лично.

Пожалуй, каждая из них достойна отдельного описания. Небольшой христианский храм, окруженный зеленью, отражается в спокойных водах овального озера. Легкие облачка на пронзительно-голубом небе. Все вокруг дышит умиротворением и спокойствием.

Или ночное небо, усыпанное звездами. Туманное и пронзительно-синее. А звезды на нем не походили ни на одну известную человечеству карту, и россыпь их незаметно, словно исподволь складывалась в картину, в очертаниях которой можно рассмотреть огромный глаз с неподвижным зрачком.

Ночное озеро со спокойными темными водами, на берегу которого расположились у горящего костра давние друзья. Они веселятся и болтают на разные темы. Неподдалеку, по щиколотку в траве, стоит изящная женщина, победно вскинув руки к небу. Она смотрит на Млечный Путь так, словно видит на небе что-то, ускользнувшее от внимания мужчин, или знает тайны, доступные лишь ей одной.

Маяк на скалистом мысе. Вокруг бушуют пенные зеленые морские волны, а вдалеке виднеется несколько белых домиков с красными крышами.

Неизвестный мне яркий цветок, стоящий в изящной вазе ярко-синего цвета. Рядом лежит книга, по виду старинная, и валяется небрежно брошенное хозяйкой жемчужное ожерелье. Эта картина дышит ожиданием. Создается впечатление, что изящная женщина в воздушном туалете вот-вот вернется, чтобы убрать драгоценность в шкатулку или дочитать оставленный роман.

Снова берег моря и ночное небо. На берегу тоненькое деревце, листья которого в темноте кажутся сине-серебряного цвета. Зеленые волны на линии горизонта словно переходят в лазурное небо. Берег даже не освещен луной, яркий свет исходит от мириад звезд Млечного Пути. А в правом верхнем углу полотна, прямо на ночном небе, притаился индейскийловец снов. И эта, казалось бы, лишняя для пейзажа деталь придает всей картине некий мистический шарм и тайный смысл.

Снова берег моря, только теперь он виден сквозь просвет в темных скалах. Ночь, но небо освещено луной, которая маскируется легкими облачками, настолько неуловимыми, что на воде отчетливо видна лунная дорожка.

– Как она тебе? – неожиданно раздался за спиной голос Татьяны, – прости, просто я заметила, что ты замерла на какое-то время перед этими двумя полотнами.

– Мне жалко, – пробормотала я негромко, будто про себя.

– Чего же?

– Что я не могу увидеть те картины, что уже проданы и хранятся в частных коллекциях. Вероятно, и среди них имеются настоящие жемчужины.

Татьяна рассмеялась.

– Что именно произвело на тебя такое впечатление, Женя?

– Этих полотен несколько, если позволишь перечислить и пояснить.

– Да, расскажи, мне очень интересно твое мнение, правда.

– Друзья около озера, ведь это именно друзья, правда? А женщина на картине – мне показалось, что ты изобразила себя.

– Правильно мыслишь. Это я среди мальчишек-одноклассников, тех немногих, с которыми мы до сих пор общаемся, возле хуторка, где живет Мишкин брат. Он озеро в аренду взял, чтобы рыбу разводить, и как-то летом мы всей компанией ездили туда в гости, чтобы наконец выбраться на природу. Так что я изобразила тот вечер по памяти.

– Понятно. Я как-то так сразу и подумала.

– Хорошо. Продолжим?

– Да. Маяк ассоциируется у меня с пронзительным одиночеством, а цветок в синей вазе навевает какие-то полузабытые воспоминания. Нежные романтические строки из лирической поэзии, прочитанной давно, еще в юности. Картина, изображающая христианский храм, полна воздуха, дышит покоем и одновременно чем-то неуловимо торжественным.

– Но я так понимаю, напоследок ты оставила картины, что произвели наиболее сильное впечатление?

– Да, ты тоже очень проницательна. От пары-тройки полотен я просто не в силах отвести взгляд. И кстати, заметила, что ты очень любишь изображать воду и питаешь особую любовь к морю, а также к ночному небу.

– Это верно, такое замечено в творчестве многих художников, так что здесь я вовсе не оригинальна.

– Но эти три картины, они очень необычны и просто поражают воображение!

– Какие именно?

– Звезды на ночном небе, узор из которых ненавязчиво складывается в изображение, что напоминает огромный глаз. В этой картине есть нечто мистическое и, честно говоря, немного

тревожное. Может, это лично мое восприятие, ибо, как телохранителя, стороннее наблюдение любого рода меня слегка напрягает, – после этих слов мы с Татьяной дружно рассмеялись.

– Ты совершенно права, выделяя эти три картины в один ряд. Они выполнены плюс-минус в одной цветовой гамме и были задуманы мною как триптих. И несмотря на разный размер и форму, будут размещаться рядом, на одной стене. По крайней мере, так будет на выставке. И продаваться тоже вместе будут. Хотя агент советует их разделить, если найдутся желающие купить полотна по отдельности. Но пожалуй, в этот раз я склонна проигнорировать его совет.

– Бесспорно, тебе виднее. Сейчас они стоят отдельно, и сначала я не видела их как единое целое. Но так, пожалуй, будет еще эффектнее. В этой картине, где изображен ловец снов, мне вообще видится что-то шаманское, мистическое такое. А вот в той, где море виднеется в просвете между скал, там должна быть скрытая морская бухта. И говоря откровенно, здесь чего-то не хватает, некоего небольшого штришка для закрепления общего эффекта.

– Любопытно, чего именно?

– Не знаю, может, наполовину скрытой водой фигуры русалки? Или ангела, пролетающего по небу?

– Ты снова права, Женя. Я сама собиралась ее слегка доработать, только пока не решила, какую именно деталь стоит добавить. Но предложенные тобой варианты весьма любопытны, не стану лукавить. Это может быть интересно.

– И раскрывает мой внутренний мир? – усмехнулась я.

– Не полностью, ибо где-то глубоко внутри ты очень замкнутый человек и предпочитаешь прятать свой внутренний мир за семью запорами не только от посторонних, но и от близких людей.

«Когда изучаешь кого-то, не стоит забывать, что в это же время могут изучать и тебя», – подумала я, но не стала возражать Татьяне, как, впрочем, и соглашаться с ней.

Мы еще немного пообщались с успешной художницей, потом обменялись с ней контактами, и я записала данные Елизаветы Брянцевой, чтобы начать проверку бывшего члена танцевальной группы под названием «Вересковый мед» и побеседовать с этой женщиной при первой же возможности.

Татьяна заверила меня, что сегодня не собирается покидать квартиру и планирует усиленно работать до позднего вечера. Поэтому я, еще раз напомнив ей про важность соблюдения всех правил безопасности, простилась до завтрашнего утра и отбыла восвояси.

* * *

Я провела в квартире у Татьяны почти весь день и планировала оставаться рядом все последующие, но для качественного ведения расследования мне была необходима дополнительная информация, которую нужно было где-то быстро раздобыть. Поэтому по дороге домой я заглянула в полицейское управление. Конечно, отвлекать его начальника подобной ерундой я бы, пожалуй, не стала, тем более что у Генки и так полно забот, а в последние дни тем более. Но благодаря дружбе с полковником, а также нескольким совместно проведенным операциям с полицией мои отношения с «коллегами» не только в целом значительно улучшились, но и я приобрела довольно много приятелей, хороших знакомых и даже несколько верных друзей в местном полицейском управлении, к которым легко могла обратиться со скромной просьбой: собрать в кратчайшие сроки всевозможные сведения о Елизавете Брянцевой. Что я и не преминула сделать.

Домой я вернулась не слишком поздно и думала застать тетю Милу за просмотром любимого сериала или другим нехитрым отдыхом. А может быть, она отправилась пораньше в свою комнату, чтобы понежиться в кровати, перелистывая страницы очередного дамского романа.

Но тетя Мила, к моему удивлению, сидела в гостиной с какой-то штопкой или вышивкой в руках. Завидев меня на пороге, она принялась лихорадочно перебирать яркие мотки ниток, не глядя на них и засыпая меня вопросами:

– Женечка, ты вернулась уже? Рассказывай, дорогая, как съездила? Познакомилась с Танечкой? Будешь охранять дочку Верочки, согласилась она? – И тут же, совершенно без паузы, словно на одном дыхании, продолжила: – Честно говоря, Женечка, могла бы и позвонить. Целый день от тебя ни слуху ни духу. А я же переживаю! Сажу тут как на иголках!

– А чаем племянницу напоишь? – терпеливо выслушав поток вопросов, задала я встречный. – А то мотаюсь целый день.

– Конечно, Женечка. Но только почему же чаем? На кухне тебя горячий ужин ждет, в термопосуде, чтобы не остыл, и салатик свеженький. Покушаешь, чайком запьешь, а я с тобой посижу. И тоже чайку, пожалуй, выпью. А потом ты мне все расскажешь. Правда ведь?

Мы прошли на кухню, и тетя Мила стала накрывать на стол. Я нарезала хлеб, уселась и принялась с аппетитом жевать.

– Может, и ты со мной, тетя Мил?

– Спасибо, Женечка, я давно поужинала и ничего не хочу, только чайку горячего с лимончиком.

– И конечно, немножечко информации к чаю? – усмехнулась я. – Не буду тебя больше томить. Татьяна пусть и не сразу, но согласилась, чтобы я ее охраняла. По крайней мере, пока не выяснятся все обстоятельства ее дела.

– Но а ты как думаешь, Вера с Леночкой были правы? Татьяне действительно угрожает нешуточная опасность?

– Я пока не могу сказать, разобраться со всем этим сначала нужно. Но на первый взгляд ничего серьезного. Или недоброжелатели нервы портят, или поклонники слишком сильно усердствуют. Но ты не переживай. И Вере передай, чтобы успокоилась. Теперь, когда я рядом, с Татьяной ничего страшного не произойдет, и мы с ней вместе обязательно во всем разберемся.

После ужина успокоенная тетя Мила с чувством выполненного долга отправилась отдыхать. А я приняла душ, удобно устроилась в своей кровати и разложила вокруг записки, которые посылали Татьяне, чтобы тщательно все изучить и проанализировать стиль автора, а также попытаться вникнуть в тайный смысл этих посланий. Но работа продвигалась медленно. С фразами, вырванными из контекста, всегда так: начнешь искать двойное дно и найдешь, да не одно. И поди пойми тогда, что конкретно имел в виду автор. Если эти записки, конечно, писал один человек. А если авторов было несколько, вообще кошмар. Попробуй тогда отсеять обычных поклонников необычного таланта от тех, что могут нести угрозу для самого объекта поклонения.

* * *

Прошло несколько дней. Татьяна усиленно готовилась к выставке и много работала. Она перенесла все возможные встречи с потенциальными клиентами и покидала за это время квартиру лишь один раз, чтобы пополнить запас продуктов в ближайшем супермаркете. Разумеется, я ее сопровождала и находилась целыми днями рядом. И все эти дни не происходило ничего примечательного. Вообще обошлось без каких-либо происшествий. Поэтому вечерами я уезжала домой.

Татьяна постепенно привыкла к моему постоянному присутствию и спокойно болтала на отвлеченные темы, не прерывая работы, что позволяло нам лучше узнавать друг друга. Ей это тоже пошло на пользу, она училась не тяготиться присутствием постороннего человека, который теперь практически всегда находился рядом.

Во время коротких и довольно редких перерывов я просила Татьяну вспоминать, что и когда ей присылали. Или хотя бы рассказать, какая записка сопровождала каждый конкретный презент. Говоря откровенно, получалось плохо. Татьяна могла с легкостью вспомнить, что приносили в течение трех последних недель, не более. Только за это время не доставляли ничего особенного, если не считать букета с траурной лентой. А подробности, связанные с доставкой более давних презентов, совершенно стерлись из ее памяти, как уверяла женщина, «за ненужностью».

Я была вынуждена настаивать и даже пробовала зачитывать некоторые записки, которые особо меня заинтересовали, чтобы выстроить хронологию их доставки или хотя бы понять, после каких событий их приносили. Но вспомнить Татьяне удалось лишь про бутылку вина. Она уверяла, что ее доставили на следующее утро после первой выставки. Этот презент сопровождался запиской, в которой говорилось про кровь. Еще она вспомнила про букет полевых цветов. Его принесли на следующий день после ее дня рождения. Впрочем, это Татьяна считала совпадением, ибо нигде не обнародовала эту дату. А какая именно записка была вложена в тот букет, она сказать затруднялась.

В конце концов мне пришлось смириться с мыслью, что прежние записки годятся лишь для анализа, а искать их автора или авторов мне придется в основном по новым материалам. Полагаю, они не заставят себя слишком долго ждать и рано или поздно появятся на пороге Таниной квартиры.

Что до Елизаветы Брянцевой, то Лешка Каринцев, лейтенант из Генкиного управления, собрал подробные сведения о ней буквально в считанные дни. Теперь мне был известен не только сотовый номер Брянцевой, но и адрес ее прописки, фактического проживания и нынешнего местонахождения. Так же Лешке удалось собрать некоторые сведения о семье женщины. Елизавета Брянцева, а в девичестве Степанова, выросла в семье архитектора и пианистки. Окончила тарасовскую консерваторию по классу хорового пения, но работать по специальности не стала и вскоре после выпуска вышла замуж за местного бизнесмена средней руки по имени Степан Брянцев. Доходы мужа позволяли Елизавете вести безбедную жизнь и много времени посвящать своему хобби – танцам и продвижению собственной группы. По поводу «собственной группы» у меня, разумеется, сложилось личное мнение.

Но было бы правильно с Елизаветой поговорить, не откладывая это дело в долгий ящик, чтобы понять суть ее претензий к бывшим товарищам по коллективу и к Татьяне конкретно, а также узнать о ее способе, или способах, эти претензии выказать. Но тот же Лешка выяснил, что в данный момент это невозможно, поскольку пять дней назад супруги Брянцевы отправились на две недели в отпуск на Мальдивы. Значит, Лиза лично не могла прислать посылки, что приходили недавно. А также, вероятно, не может быть причастна к посылкам, что будут доставлены в ближайшее время. Если, разумеется, она не поручила это сделать кому-нибудь другому. Так что поговорить с женщиной необходимо сразу же после ее возвращения, а может быть, даже и немного понаблюдать за ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.